

Цзян Чансинь уже было собрался выйти из паланкина - край его одежды коснулся земли, но сопровождающий наклонился и тихо сказал:

— Молодой господин, не стоит заставлять старого господина волноваться. Нам лучше вернуться.

Цзян Чансинь ничего не ответил и снова откинулся внутрь. Тяжёлая занавесь плотно закрылась, скрыв его лицо; с самого начала и до конца он показал лишь тот самый край одежды да одну ладонь с чётко очерченными костяшками, больше ничего увидеть было нельзя.

Вскоре паланкин покинул полуразвалившуюся лапшичную. Слуги окружили его плотным кольцом и повели обратно, в сторону большого дома семьи Цзян.

Чжан Чжюань смотрел вслед удаляющемуся паланкину и с сожалением вздохнул:

— Жаль... по-хорошему, стоило бы как следует отблагодарить молодого господина Цзяна. Ты и не знаешь, Е Нин, молодой господин Цзян, помимо... — он запнулся, — помимо прочего, человек он благородный. И самое главное, семейные устои у Цзянов совсем не такие, как у семьи Чжоу.

«Помимо» разумеется, того, что он немного не в своём уме...

Е Нин отвёл взгляд. К самому Цзян Чансиню он не испытывал особого интереса: тот был главным героем, он же - всего лишь второстепенным персонажем, и их пути не должны были пересекаться. Е Нин хотел лишь спокойно жить здесь, не задумываясь ни о чём лишнем.

Сейчас важнее всего была лапшичная.

— Давай приберёмся, — сказал Е Нин.

— Ага! — охотно отозвался Чжан Чжюань. Пусть он и был ученым, но вовсе не тем, кто не знает труда: видно было, что в доме он привык работать. Он засуетился, помогая то тут, то там, без всякой изнеженности.

Незаметно небо стало желтеть к закату. Чжан Чжюань выглянул наружу и сказал:

— Уже поздно. Давай на сегодня вернёмся, а завтра продолжим уборку.

Е Нин был гером, Чжан Чжюань - мужчиной, к тому же учёным, воспитанным в строгих нормах ритуала и нравов; разумеется, они не могли оставаться на ночь вне дома вдвоём, пусть даже и были дальними родственниками.

Поэтому они просто вернулись, решив на следующий день снова прийти и продолжить приводить лапшичную в порядок. Е Нин уже всё осмотрел: лавка хоть и маленькая, но устроена толково. Спереди - торговое место, сейчас там стоял всего один стол, но если поставить плотнее, вполне можно уместить три. А сзади крохотная каморка, размером всего лишь чтобы развернуться, но её было достаточно, чтобы там жить. В будущем Е Нину вовсе не нужно будет возвращаться в дом семьи Е.

Он был человеком, пришедшим извне, и для него отец и мать семьи Е не являлись по-настоящему родными. К тому же, по их словам и отношению он ясно чувствовал: в их глазах он был обузой - гером, неспособным к деторождению, позором для семьи. В мире апокалипсиса Е Нин привык полагаться только на себя и не держался за семейную привязанность; потому он решил, что как только лапшичная будет приведена в порядок, он сразу же переберётся туда, подальше от лишних глаз и ненужных волнений.

Когда они вернулись домой, мать Е как раз кормила единственного в семье мужчину-наследника. Она держала сына на руках, ласково уговаривала, улыбаясь так, что глаза превратились в узкие щёлочки. Завидев Е Нина, она мгновенно прижала чашку к груди, словно не желая, чтобы он её увидел. В чашке была мясная похлёбка.

Семья Е жила небогато: даже вяленое мясо, висевшее под крышей, растягивали на долгие месяцы. Если уж удавалось раздобыть кусок свежего мяса, его, разумеется, отдавали самому ценному мужчине в доме. Ведь именно мужчина был надеждой семьи; геры же всё равно выходят замуж и уходят, на них не полагалось тратить лишнее.

Мясо просто отварили, и от него тянуло резким, животным запахом. Е Нин слегка нахмурился, ни малейшего аппетита у него это не вызывало. А вот Е Чжу, стоявший рядом, глядел на чашку голодными глазами и украдкой сглатывал слюну, но не смел сказать матери ни слова.

Е Чжу поспешил сменить тему, заговорив с ядовитой насмешкой:

— Ой-ой, Нин-гер вернулся? Уже так поздно... А я-то думал... хи-хи, ты с двоюродным братцем на ночь где-нибудь останешься. Не удалось выйти за семью Чжоу, так и не стоит до такого опускаться!

Лицо Чжан Чжиюаня тут же вспыхнуло от стыда; он замахал руками, поспешно отрицая:

— Я читаю книги мудрецов, как же я могу позволить себе столь недопустимое поведение?

Услышав, как в словах Е Чжу сквозит пренебрежение к Чжан Чжиюаню, Е Нин спокойно сказал:

— С этими словами тебе стоит быть поосторожнее. Двоюродный брат ещё будет сдавать государственные экзамены. Не выйдет ли так, что когда он успешно сдаст их, тебе придётся в спешке менять тон?

— Тьфу! — с презрением фыркнул Е Чжу и пробормотал: — Нищий книжник - чем больше читает, тем более нищим и кислым становится!

Глаза его забегали, и он продолжил:

— Ну что, как там твоя лапшичная? Неужто вернулся за вещами? Я уж сразу скажу: родители отдали тебе ту лавку, чтобы ты поучился делу и поумерил нрав, а не затем, чтобы ты таскал из дома добро. Ни кусочка мяса, ни горсти риса, ни щепотки муки - не надейся!

Эти слова заставили руку матери Е, кормившей сына, на мгновение замереть. Она подняла голову и впилась взглядом в Е Нина.

— Вот именно! — подхватила она, словно задела самую больную струну. — С лапшичной делай что хочешь, как хочешь её обустрой, но запомни: из дома ты ни крошки не возьмёшь. Ни муки, ни риса - всё добывай сам. А о мясе и говорить нечего!

С этими словами она поспешно сунула кусок мяса в рот третьему сыну, словно опасаясь, что Е Нин сейчас кинется отнимать, и едва не подавила своего сокровище.

Отец Е, как всегда, выступил в роли самого «справедливого». Он дорожил репутацией и любил говорить высокопарно, напуская на себя важный вид старшего, и, вздохнув, произнёс:

— Нин-гер, раз уж лапшичную отдали тебе, значит, она твоя. Все дела ты должен решать сам, не полагаясь постоянно на семью. Вспомни меня: когда я был пастухом, за мной тоже никто не стоял, на себя одного приходилось рассчитывать во всём.

Е Нин всё понял. Мать боялась, что он станет просить у них припасы; отец, хоть и говорил напыщенно, на деле отказывал столь же ясно. Оба они откровенно опасались, что Е Нин потащит из дома рис, муку и прочую еду для своей лапшичной.

Это даже показалось ему забавным.

— Будьте спокойны, — сказал он. — Раз лапшичную отдали мне, я сам приведу её в порядок. Я никого не побеспокою и не возьму у других ни зёрнышка риса, ни горсти муки.

Мать Е с радостью сказала:

— Это ты сам сказал!

Отец Е добавил:

— Ты только послушай себя. Пусть помолвку и расторгли, но мы всё равно одна семья. Не подумай, что я жесток и не хочу помочь, я лишь хотел, чтобы ты набрался опыта, закалился. Если ты это понимаешь, значит, всё правильно.

Е Нин не стал вступать в разговор и лишь сказал:

— Завтра с лапшичной уже можно будет закончить. Сзади есть маленькая комнатка, в ней можно жить. Бегать туда-сюда одна морока, так что я больше не буду возвращаться сюда ночевать.

Услышав, что он не станет брать из дома никаких припасов, отец и мать сразу повеселели. Где и как будет жить Е Нин, их больше не заботило: они махнули рукой и снова принялись окружать единственного в семье мужчину, наперебой уговаривая его есть.

Е Нин вернулся в свою комнату. В дверь кто-то постучал, не заходя без спроса. Это был двоюродный брат Чжан Чжиюань.

Е Нин вышел и сказал:

— Сегодня ты изрядно потрудился, кузен. Почему не идёшь отдыхать? Есть ещё какое-то дело?

Брови Чжан Чжиюаня сошлись почти в узел, он замялся и неуверенно произнёс:

— Е Нин, ты только не принимай близко к сердцу... дядя с тётёй на самом деле имели в виду...

Е Нин едва не рассмеялся: родные люди о нём не заботились, а Чжан Чжиюань пришёл его утешать.

— Я не принимаю это близко к сердцу, — спокойно сказал он.

Чжан Чжиюань не слишком поверил, всё-таки геры обычно нежные и чувствительные. Он словно что-то вспомнил, долго рылся в заштопанном не раз кармане и наконец вынул пригоршню медных монет - их было слишком мало, чтобы связать в связку, россыпь мелочи, зажатая в ладони.

— Сейчас я служу в доме Цзян и получил часть жалованья авансом. Почти всё ушло на бумагу и кисти, осталось вот столько, — сказал он. — Лапшичная только открывается, деньги наверняка понадобятся. Возьми пока это.

Он протянул медяки Е Нину, но тот сделал шаг назад и не принял их.

Чжан Чжиюань занервничал:

— Пусть и немного, но...

Е Нин перебил его:

— Я не потому отказываюсь, что считаю этих денег мало. Это средства, которые ты заработал собственным трудом. Тебе ещё предстоит ехать на экзамены, впереди будет немало расходов, такие деньги следует беречь и откладывать для себя.

— Но ты ведь... — Чжан Чжиюань замялся, не зная, стоит ли продолжать, и опасаясь ранить Е Нина. Отказ отца и матери помочь был столь холодным и безжалостным, а Е Нин - всего лишь хрупкий гер. Как ему в одиночку удержать на плаву лапшичную?

Прежний хозяин этого тела много лет прожил в доме Е в роли вечного виноватого, но всё же сумел скопить немного денег: в свободное время он плёл соломенные верёвки и продавал их. Сбережения были скромными, однако при бережливости и расчёте их вполне могло хватить на начало дела. Е Нин в мире апокалипсиса познал настоящую нужду, по сравнению с тем, что ему довелось пережить тогда, нынешние трудности не стоили и упоминания.

Лицо у него было мягкое, почти беззащитное, фигура - тонкая, словно ивовый прут у деревенской дороги, казалось, сильный ветер подует и сломает. И всё же в нём было спокойствие, которое невольно внушало уверенность. Он слегка улыбнулся и сказал:

— Не тревожься, кузен. У меня есть свой выход.

— Молодой господин вернулся!

— Старый господин! Хозяин! Молодой господин вернулся!

Паланкин, окружённый слугами, внесли во двор большого дома семьи Цзян. Они обогнули южную стену, прошли по крытой галерее и остановились во дворе перед главным залом. Носильщики опустили паланкин, слуга приподнял занавесь, и снова показалась та самая ладонь с чётко очерченными костяшками, тыльной стороной придерживающая полог. Фигура наклонилась и вышла наружу.

Цзян Чансиню было около двадцати. Пока он сидел в паланкине, этого не было заметно, но стоило ему выйти, как сразу стало ясно: рост у него высокий, осанка прямая, плечи широкие, а талия стройная и узкая. Даже со спины он выглядел человеком исключительного благородства, настоящим молодым господином с внушительной статью и редким достоинством.

— Синь-эр вернулся?

Старый господин, опираясь на трость, сам вышел из главного зала ему навстречу; следом поспешили и господин Цзян, и старшая госпожа Цзян.

Старшая госпожа первой подошла к Цзян Чансиню и поддержала его:

— Сынок, где ты пропадал? Уже смеркается, а тебя всё нет дома. Твой дед так волновался, нельзя же так людей тревожить!

Господин Цзян был из тех старших, у кого лицо холодное, а нрав строгий. Убедившись, что с Цзян Чансином всё в порядке, он с облегчением выдохнул, но всё же недовольно фыркнул:

— Совсем распустился, никакого порядка. Велят тебе сидеть дома и читать, а ты каждый день шастаешь неизвестно где, заставляя мать и деда волноваться!

Старшая госпожа, разумеется, встала на сторону сына:

— Ладно, ладно, господин, с Синь-эром ведь всё хорошо, вернулся целый и невредимый. Дома скучно, он... он просто...

На этих словах она запнулась, словно подыскивая более подходящее выражение.

Что тут подбирать? Почему Цзян Чансинь не может усидеть дома - разве не потому, что он... глуп?

Цзян Чансинь с самого начала отличался от прочих. В Цинтяне над ним посмеивались, называя «глупым сынком помещика»: хоть и вырос он статным, красивым и высоким, но был умственно неполноценным, никаких разумных доводов не понимал. Что бы ему ни говорили, он лишь улыбался; даже если при нём самом его обзывали дураком и идиотом, он всё равно глупо хихикал.

Вот и сейчас: господин Цзян говорил строго и резко, а Цзян Чансинь лишь смотрел на него и улыбался по-детски, словно вовсе не понимал, что его бранят. Он даже сделал невинное выражение лица, наклонил голову и часто заморгал, и в его резких, хищных, как у ястреба, глазах проступила наивная, пустоватая глупость.

Господин Цзян с досадой указал на него пальцем:

— Ах ты...

Старый господин наконец заговорил:

— Ладно. С Синь-эром всё в порядке, да и день выдался у него утомительный.

Затем он обратился к сопровождающему:

— Проводите молодого господина отдыхать.

— Слушаюсь, старый господин, — отозвался тот.

Слуга мягко увёл Цзян Чансиня. Вся процессия направилась к его отдельному двору; прочие слуги остановились у входа, и лишь тот самый сопровождающий, что всю дорогу шёл рядом с носилками, последовал за хозяином в главный покой.

Едва они переступили порог, как в тот же миг с лица Цзян Чансиня исчезла вся простодушная улыбка. Уголки губ привычно опустились, принимая ту линию, которая куда больше подходила его резкому, благородному лицу. Из глаз ушла всякая веселость, взгляд стал хищным, настороженным, в нём проступила холодная, мрачная тень.

Как ни смотри, на дурака он был совсем не похож.

— Закрой дверь, — произнёс Цзян Чансинь низким голосом.

Слуга действовал проворно: тут же притворил дверь, задвинул засов и лишь после этого вошёл вглубь комнаты. Теперь он стоял перед Цзян Чансином с ещё большим почтением и строгостью. Лицо его выражало сомнение, видно было, что вопрос не даёт ему покоя. Слегка опустив голову, он осторожно сказал:

— Хозяин... вы обычно не вмешиваетесь в деревенские дела. Сегодня же...

Он помедлил и тихо добавил:

— К тому Нин-геру вы, кажется, отнеслись иначе. Он стал для вас исключением?

<http://bllate.org/book/15118/1353995>